prátňa мн. 'поле, поля' может быть объяснено как производное от **pręt-atl*, древнего земледельческого термина (ср. *прятать* подсеку 'жечь вырубленный лес, чтобы очистить место для посева', *прятать* новину 'сносить в груды обгорелый на подсеках лес' [42]; чеш. *oprátka* 'отмеренный участок леса, проданный на сруб' [43]);

rozverný 'озорной, распущенный' (и *rozvířit se* 'стать распущенным', по Махеку — к *vír* 'водоворот') можно истолковать как производное от **orz-verti* 'отпирать' (ср. семантическую модель *распустить—распущенный*);

slopati 'пить' должно быть связано с *chlapati* 'жадно пить или есть';

vykohátit 'выворотить, вырвать', *vykohetit'se* 'отправиться (из дому)' (с трудом), рассматриваемые в статьях *kohátit*, *kohetit'*, являются, вероятно, производными от **kogъtь* (чеш. диал. *kohát* 'сильный корень у пня', 'пень'), т. е. **vykogъtiti* 'вырвать с корнем, выкорчевать' (хотя возможно и иное семантическое основание: ср. русск. *когтить* 'рвать когтями').

Подготовка к печати второго издания Словаря сопровождалась большой редакторской работой. Помимо уже упомянутой перестройки статей в связи с перемещением и изъятием словацкого материала, потребовалась переработка некоторых статей для согласования их с этимологически связанными статьями, которые были изменены В. Махеком. Как признают Е. Гавлова и А. Матл, эти внутренние противоречия не всегда удавалось устранить, если неясна была конечная точка зрения автора. Действительно, во втором издании встречаются расхождения в связанных друг с другом статьях, частично — перешедшие из первого издания, частично — новые. Так, противоречие в толковании глагола *pachtiti se* в статьях *bažiti* и *pakost* не устранено появлением новой статьи *pachtiti se*; не согласованы новая статья *hnisati* и старая *hnus*; в связи с новым истолкованием *leknouti* в самостоятельной статье следовало бы снять упоминание его в статье *žluknouti*; в статье *nátoň* дано новое толкование, которому противоречит сохранение упоминания этого слова в статье *títi*.

Во втором издании выправлены все случаи нарушения алфавитного расположения статей, которых было много в первом издании; в основном исправлены опечатки.

Прекрасным дополнением к корпусу Словаря является указатель слов для всех языков (в первом издании был указатель лишь для чешского и словацкого языков), который значительно облегчает работу со Словарем и расширяет возможности его использования.

Библиотека славянской этимологии пополнилась новым интереснейшим трудом.

Ж. Ж. Варбот

Irmgard Leder. Russische Fischnamen

Wiesbaden(=Veröffentlungen der Abteilung
für slavische Sprachen und Literaturen
des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar)
an der Freien Universität Berlin.
Begründet von Max Vasmer.
Herausgegeben von Herbert Bräuer, Valentin Kiparsky
und Jurij Striedter, Bd 36), 1969

Историко-этимологические разыскания по отдельным тематическим группам терминов все больше привлекают к себе внимание славистов, и количество исследований в этой области все возрастает. Ирмгард Ледер темой своего исследования выбрала историко-этимологический анализ рус-

[42] Опыт, стр. 183.
[43] Kott VII, I, стр. 116.

ских названий пресноводных рыб, обитающих на севере и северо-западе Европейской части Советского Союза, в реках Балтийского и Северного бассейнов. Это ограничение только номенклатурной лексикой для части рыб можно оправдать обширностью материала, который требует каких-то рамок. В книге дан анализ 206 названий, охватывающих 56 видов пресноводных рыб, причем учитываются русские названия, встречающиеся во всех областях распространения этих рыб.

Книга И. Ледер состоит из списка сокращений, большая часть которого является списком использованной литературы (стр. V—XIX) [1], введения (стр. 1—4), основной части, где дается в соответствии с научной классификацией историко-этимологический анализ русских названий пресноводных рыб Северного и Балтийского бассейнов, относящихся к 14 отрядам (стр. 5—152), заключения, где рассмотренный в книге материал классифицируется по происхождению, по семантическим признакам и по морфологическим оформителям (стр. 153—160) и обстоятельного указателя славянских, балтийских, германских, греческих, кельтских, романских, финно-угорских, тюркских и других названий рыб, а также соответствующих научных латинских названий рыб (стр. 161—181).

Не рассматриваются в книге собирательные названия типа учтенного в «Словаре областного архангельского наречия» А. Подвысоцкого (СПб., 1885) названия всякой мелкой рыбы — *щербá* (как рыба, идущая для навара, для ухи, которая носит то же самое тюркское по происхождению наименование; Vasmer III, стр. 449), а также астрах. *яры́к* — 'покатная рыба, обратная, которая, выбив икру, скатывается (идет) опять в море' (Даль[3] IV, стр. 1581), вероятно, восходящее к тюрк. *арык* 'худой' с протетическим *й*. Совсем не учтены названия рыбных продуктов.

И. Ледер хорошо показала, что историко-этимологический анализ названий рыб, кроме собственно лингвистического момента, непременно должен включать географический (учет распространения не только слова, но и связанного с этим словом вида рыбы), ихтиологический (или, шире, биологический) и хозяйственный аспект. Особенно удачно автор использовал биологический аспект, который дал возможность выявить, какие реальные признаки рыбы могли лечь в основу названия, установить, что некоторые традиционные этимологии не выдерживают критики с точки зрения ихтиологической, ибо не учитывают конкретных свойств рыб, какие могли быть положены в основу названия. Но ограничение темы исследования только номенклатурной лексикой и неучет другой лексики, связанной с рыболовством и рыбоводством, в некоторых случаях сужали возможности автора в аргументированности этимологических построений. Например, при рассмотрении названий типа *плотва*, *плотица* и т. п. было бы полезным упомянуть помещенное у Даля (Даль[3] III, стр. 322) под знаком вопроса псков. диал. *плотать (рыбу)* 'чистить', для которого Даль устанавливает связь с *пластать* (?). Этот глагол мог бы служить дополнительным аргументом в пользу отстаиваемой Ледер этимологии: *плотва* — *плоская рыба*. Ср. также из «нерыбной» лексики *плотва* (олон.) 'огниво, кресало, кресево, плашка' (от *плоский*) (Даль[3] III, стр. 323). Для подкрепления цитируемой Ледер этимологии названия лосося, отощавшего после нереста — *лох* [2], которое возводится к пейоративному образованию от *лосось*, было бы полезным вспомнить отмеченное Далем под словом *лоший* 'дурной, плохой' сочетание *лошалая рыба* 'долго продержанная в садке, ослизлая, с красноватыми пятнами на боках'. Ср. контаминированный с *лони*, *лонись* 'в прошлом году' архангельский глагол *лоншать*: *семга лоншает* 'идет худая и с закорюченным носом из рек

---

[1] Здесь и далее в скобках приводятся страницы рецензируемой книги.

[2] Последнее, строго говоря, является не номенклатурным термином, а подобным прочим возрастным и сезонным названиям рыб типа *малёк* или архангельского и тверского названия годовалой рыбы, щуки — *лоншак*, *лоньщак* и т. п., не рассматриваемым в рецензируемой книге.

обратно в море', а также *облоховиться* 'обратиться из лосося в лоха' (Даль[3] III, стр. 688, 1532).

Для этимологии названий щуки было бы полезным учесть также своеобразные русские названия молодых щук — *щуклёнок*, *щурёнок*, *щурбк*, последнее — в рязанских говорах. Известный интерес представили бы также заимствованные чувашскими диалектами из русских говоров Поволжья формы *шӳпке*, *шӳкке*.

Вопреки ходячему мнению о том, что в названиях рыб нет звукоподражательных слов [3], Ледер в некоторых случаях удалось убедительно доказать звукоподражательный характер славянских наименований рыб, например для *шереха*, который, вероятно, нельзя отделять от более распространенного фонетического варианта *жерех* (со звонким началом), а также «суффиксального» варианта *шереспер* и т. п. [4] Хорошо доказан звукоподражательный характер слова *лещ*. В дополнение к аргументам Ледер можно сказать, что звукоподражательный характер названия во многом предопределил его неустойчивость и разнооформленность в разных славянских языках.

И. Ледер в своих разысканиях делает упор на ихтиологическую (и в первую очередь русскую) литературу, благодаря чему учитываются реальные свойства называемых предметов и этимологии получаются более объективными. Эта сторона представляется в книге Ледер весьма важной, хотя жаль, что автор не воспользовался известной у нас книгой Л. П. Сабанеева «Жизнь и ловля пресноводных рыб», где также содержатся местные названия рыб.

С другой стороны, автору рецензируемой книги иногда можно было бы поставить в вину то, что она недостаточно полно использует лингвистические источники. В частности, автор, несмотря на стремление к полной регистрации диалектных названий для всех учтенных в книге 56 видов рыб, пропускает многое из материала, который отмечен в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля. Например, при анализе названия лосося, семги после икрометания Ледер опускает упомянутые Далем под словом *лох* другие названия: «Лоха зовут еще *пан*, *вальчак*, *вальчуг*». М. Р. Фасмер этимологизирует эти названия, соотнося *ва́льчак*, *ва́льчаг*, *вальчу́г* с саамским (терск. диал.) названием пресноводного лосося *valdžeg*, а *пан* — с омонимом *пан* 'господин'.

Также опущено разобранное М. Р. Фасмером и А. И. Поповым архангельское сезонное название семги — *кирьяк*, заимствованное из финно-угорских языков [5].

Опущено название *рамша*, которое Даль приводит при слове «*ря́вца*, *ря́вча*, *ре́вча*, *ревя́к* (арх.) рыба рамша, разн. виды Cottus керца; ее не едят» и на своем месте. Представили бы интерес также названия сортов семги, которые приведены в словаре Даля под словом *семга*. Среди названий чехони типа *сабля* не приведены названия *ша́бля*, *ша́бель*, помеченные у Даля как южные (под словом *чехонь*) и анализируемые Фасмером (Vasmer III, 363).

Для этимологии слова *хариус* безусловный интерес представляет костром. *со́риус*, *сорьез* 'рыбка из рода форелей' (Даль[3] IV, стр. 399). Из словаря Даля не извлечены *плоскуша* (южн.) 'рыба плотва, плотица, Leuciscus (Scardinus) или Abramis', *плоскиря* (черноморск.) 'рыба ласкиря', которые были бы весьма показательны как семантическая параллель к названию *плотва*. Ледер также

---

[3] См., например; П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956, стр. 49: «Странно было бы даже в порядке исключения из правила искать источник русских и общеславянских ихтиологических названий в звукоподражании».

[4] Ср. также белорусский материал, отсутствующий у И. Ледер: А. С. Герд. Из истории белорусских названий рыб. — «Беларуская лексікалогія і этымалогія». Мінск, 1968, стр. 37—38, где термин ошибочно выводится из татарского языка.

[5] Фасмер II, стр. 238—239; А. И. Попов. Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957, стр. 60.

не учла олонецкое название плотички *тяпуга* (см. у Даля под словом *тяпать*), данное за характер клева. Пропущено олонецкое же название язя *тýржа*, не учтено сибирское *тугунбк*, 'рыба пескарь, пескозоб' (Даль[3] IV, стр. 862). Впрочем, в современной научной терминологии *тугун* употребляется как название сосьвинской сельди из рода сигов — Coregonus tugun (Pallas).

Диалектологический материал Ледер учла лишь постольку, поскольку он представлен в работах ихтиологов и частично в словаре Даля. Достаточно привести один пример: диалектное название линя — *лень* помечено у Ледер (по Далю) как уральское; на самом деле оно известно и в русских говорах Сибири (Северная Бараба) [6].

Для омуля Ледер не знает сибирского названия *селенгá* (от названия ветра, а последний — от реки; — см. Даль[3] IV, стр. 119). Представляет интерес отмеченное в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г., т. I, стр. 164 название карпа *кáроб*. При анализе названия леща *чабак*, *чебáк* Ледер упустила белорусское название *чубáк* (Носович), вокализм которого поразительным образом совпадает с вокализмом чувашского названия леща же *çупах* (из **чубак*, при более новом *чапак* 'плотва, сорожка'). Форма *чубáк*, согласно А. Г. Преображенскому (под словом *чебак*), была употребительна и в русском говоре села Заулья Севского уезда Орловской губернии. Эти редкие диалектные формы отражают чувашско-булгарский переход *а* > *у* в начальном слоге слова [7]. Существование подобного ряда форм на западе южновеликорусской территории и в белорусском языке можно легко объяснить, если принять точку зрения А. А. Шахматова о распространении аканья с востока. Носители аканья вместе с этой чертой передали на запад ряд булгарских слов [8].

Остались вне поля зрения Ледер архангельское название вида пескаря *кыч* (из коми-зыр. *gi̧tś*, *gytš* 'карась') и онежское название плотвы *латик* (из эст. *latikas*, фин. *lattukka*, возможно, от слав. *плотва*, *плотица*), приведенные в словаре Фасмера с этимологиями Я. Калимы.

И. Ледер тщательно фиксирует этимологии названий рыб, высказанные специалистами-рыбоведами, но зачастую от нее ускользают этимологии лингвистов, не нашедшие места в словаре Фасмера. Так, в книге не нашла отражения и не учтена этимология К. Мошинского, который связывал праслав. **karas-* с поволжскими названиями этой рыбы: мар. *karaka* и татар *käräkä* [9].

Оставшееся для Ледер неясным по происхождению восточносибирское название озерного гольяна *мýнда*, *мýнду*, *мýндушка* имеет хорошее соответствие в якутском и эвенкийском языках: якут. *мунду*, *мунну*; эвенк. *мунду*, *мундукāн*.

И. Ледер собрала большой фактический материал по славянским названиям рыб, значительно расширив количество межславянских параллелей в этой области. Например, у нее встречается некоторое число русских названий рыб, до сих пор не учтенных словарями, типа *пехоль*, *пяхоль* 'молодой судак', *курва* 'снеток', *пизда рыба* 'обыкновенный подкаменщик' и т. п. Полезны также тщательно фиксируемые в книге Ледер ино- и внеславянские параллели к русским названиям рыб. Например, стоящее у Фасмера совершенно изолированно донское название судака *сула* сопоставляется у него с источниками: татар. и каракалп. *сула*, а также венг. *süllő* 'судак' (послед-

---

[6] См. словарь А. Молотилова в кн. «Материалы для сибирской диалектологии. Труды Томского общества изучения Сибири», т. II. Томск, 1913.

[7] В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении, ч. I. Чебоксары, 1954, стр. 69—70, 159.

[8] И. Г. Добродомов. К вопросу о булгарских элементах в белорусском языке. «Праблемы беларускай філалогіі. Тэзісы дакладаў рэспубліканскай канферэнцыі, прысвечанай 50-годзю БССР и КПБ. Мінск, 1968, стр. 39.

[9] K. Moszyński. Uwagi do 6. zeszytu «Słownika etymologicznego języka polskiego» Fr. Sławskiego. — «Język polski» t. XXXIX, 1959, стр. 5—6.

нее ошибочно). Ледер, по традиции смешивая формы с начальным *с-* и начальным *ш-*, значительно увеличивает число сходных названий: 1) русск. и укр. *сулá*; с.-хорв. название одного из тайменей Hucho hucho (L.) *сулац*, *сулица*, *сулач* (по Хирцу); 2) чеш. *šúl* (?), слвц. *štl* (?), *šilec*, *šula*, *šúlava*, *šulava*, с.-хорв. *шуљ*; венг. *süllő* (венг. *s* читается *š*), нем. *Schill*, *Schiel*, а также с.-хорв. *шиљ*, *шил*, *шиљар*.

На самом же деле эти две группы имеют различное происхождение. Формы, стоящие в одном ряду с русск. *сула*, связаны с названием судака в северо-западной группе тюркских языков: чуваш. *шăла*, башк. *ҺЫла*, казах. (прискасп. диал.) [10], каракалп., ног. (Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1940, стр. 261) *сыла*, причем чуваш. *шăла* (начальное *ш-* вторично при общетюрк. *с-*, откуда башк. *h-*) дало также мар. *шылá-кол* 'судак (рыба)' [11]. Восточнослав. *-у-* в соответствии с тюрк. *-ы-* можно объяснить огубляющим влиянием лабиовеляризованного тюрк. *-л-* в слове с заднерядным вокализмом. Ср. аналогичное отражение укр. *-ы-* слова *яндилá* при переходе последнего в польск. czara albo *janduła* (1670 г. в документах Гданской биржи). Происхождение тюркского названия судака *сыла* остается пока неясным. Во всяком случае его следует отделить от второй группы названий, которые генетически связаны с венг. *süllő*, причем последнее является булгарским по происхождению **шил-лиγ* 'зубатый, имеющий зубы', а ему в других тюркских языках соответствует **тиш-ли* [12]. Ср. этимологически тождественное казахское диалектное название судака *тисти (тис* < *тиш* 'зуб'+ *-ти* < *-ли* < *-лиγ*), дословно 'зубатый', а также типологически параллельное венг. *fogas* (< *fog-* 'зуб'+*-as*) 'зубатый', тоже со значением 'судак'. Этот же образ лег и в основу отмеченного Далем (без территориальных помет, Даль[3] IV, стр. 1357) названия молодого судака *чопик* 'судачок' при *чоп* 'виноградный сук'; (курск.) 'гвоздь в бочке, затычка, кран, верток, спуск у бочки, чана; цевка, кулак, зуб машинного колеса' (впрочем, Ледер рассматривает также и это название, но в форме *чоп*, извлеченной из ихтиологической литературы, не называя уменьшительной формы *чопик*).

Вообще немногочисленные у Ледер названия тюркского происхождения разобраны недостаточно полно. Например, автору остались неизвестны попытки этимологизации тюрк. *сазан* у В. Банга (от глагола *саз-* 'шипеть, плевать', чуваш. *сур* 'плевать' — с первоначальным значением 'змея', потом 'угорь' и с перенесением на сазана) [13], а также у К. Менгеса (от *саз* 'болото' -чуваш, *шур*, венг. *sár*, что очень подходит для этой весьма неприхотливой рыбы) [14]. Интересна также этимология Г. И. Рамстедта, который тюрк. *сазан* связывал с *саз* 'бледный' (ср. казах. *сазар* 'бледнеть') и названию *сазан*

---

[10] Наряду с литературным *көксерке* в казахском языке известны диалектные названия *көкала*, *сыла*, *тисти*: Ж. Доскараев. Арал, Каспи балықшыларының, тіліндегі профессионалдық, лексиканың материалдары. «Вопросы истории и диалектологии казахского языка», вып. 1. Алма-Ата, 1958, стр. 100, 106. Здесь же на стр. 101 говорится, что в татарском и башкирском языках казахскому диал. *сыла* соответствует *сула* (*сҰла*). Вероятно, речь идет о татарском слове, ибо в башкирском языке известно *ҺЫла*.

[11] В. П. Троицкий. Черемисско-русский словарь. Казань, 1894, стр. 84. — В горномарийском *сýдок* (из русского языка) также употребительно и переносно о худощавом человеке.

[12] Ludwig K. Katona. Über eine Lautveränderung im Tschuwassischen. — «Kőrösi Csoma-Archivum», II, 1930, 5. szám, стр. 379—381.

[13] W. Bang. Monographien zur türkische Sprachgeschichte. — «Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften». Philosophisch-historische Klasse, Jahrgang, 1919, 12. Abhandlung. Heidelberg, 1918, стр. 36 (сноска).

[14] K. Menges. The Oriental elements in the vocabulary of the Oldest Russian Epos, The Igor'Tale. New-York, 1951, стр. 65—66.

приписывал значение 'бледная (рыба)'. Но и эта этимология осталась без критической оценки [15].

Совершенно неосновательно Ледер отрицает булгарско-чувашскую этимологию названия *шаран*, которое распространено на обширной территории (русск., укр., польск., чеш., с.-хорв., болг.; рум.) и производство которого от имеющегося только в русском и болгарском языках слова *шар* более чем сомнительно. Лишены оснований также сомнения Ледер в тюркском происхождении наименования *тарань*, источником которого является кыпчакская форма *тыран* (казах.) с редуцированным звуком типа ъ в первом слоге (обозначается в орфографии буквой *ы*), который часто подменяется звуком *а*: ср. *шар* 'краска' из булгарского **шыр* при кыпчакском (казах.) *сыр*.

При сопоставлении русских диалектных названий густеры Abramis björkna *лóпарь*, *лóпырь*, *лупи́рка* (ср. также укр. *лупи́рка*, а также с.-хорв. *лопар*, *лопарица*, *лапара* 'лещ', к которым можно было бы добавить редкое чеш. *lupice* — материалы И. Добровского — 'судак') с тур. *lüfer*. *lufer* следовало бы учесть, что это не исконные тюркские формы и что с ними связаны русские названия морской рыбы *луфáрь*, *лефер* Pomatomus saltatrix (L.) (у Даля — Femnodon saltator). Кстати, для густеры не учтены названия *лещад(т)ка*, *лещик*, *подлещ(ик)*.

Обнаруживающие поразительное сходство формы *уклейка* — *баклейка* — *ваклейка* (последняя форма для Ледер осталась неизвестной, как и название ряда дальневосточных рыб — *уклей* в форме мужского рода, но форма *ваклейка* отмечена в «Словаре русских народных говоров») можно возвести к единому источнику, если учесть, что в булгарской группе тюркских языков начальному лабиализованному гласному других тюркских языков (*о*, *у*, *ö*, *ü*) обычно соответствует лабиальный согласный с нелабиализованным гласным: казах. *ӧзек* 'речка' — чуваш. *варак*; казах. *ӧгиз* 'вол, бык' — чуваш. *вăкăр*, *мăкăр*. Это соображение тем более вероятно, что формы с начальным губным согласным известны только русским говорам Поволжья и близлежащих районов, где могло обнаружиться старое булгаро-чувашское влияние на русский язык пограничных районов.

Следует указать, что в книге Ледер есть пропуски даже в пределах той группы пресноводных рыб, которые обитают в реках и озерах Балтийского и Северного бассейнов (север и северо-запад Европейской части СССР). Например, Ледер почему-то не рассматривает название ледовитоморского сига *пыжьян* (обско-угорское слово), название сиговой рыбы *муксун* с многими вариантами, тоже обско-угорского происхождения [16]. Не упомянуты также названия рыбы Salvelinus alpinus (L.) — арктический голец, *мальма*, а также речной камбалы — Platychthys flesus (L.). Все эти рыбы встречаются в районе, названия рыб которого рассматриваются в книге Ледер [17].

Во многих случаях можно уточнить датировку первой фиксации названия в русских памятниках. Это само собой понятно, ибо Ледер пользовалась материалом из вторых рук, а непосредственно знакома лишь с собраниями названий рыб в старых руководствах-пособиях лексикографического характера («Парижский словарь московитов», «Словарь-дневник» Ричарда Джемса и т. п.). В некоторых случаях Ледер дала интересный материал, эксцерпированный из «Таможенных книг Московского государства XVII в.» и «Новгородских грамот на бересте». Вообще историко-лексикологическое изучение

---

[15] Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 196.

[16] Ср.: А. С. Герд. Из истории трех слов русской речи. «Этимологические исследования по русскому языку», вып. VI. М., 1968, стр. 41—43: из мифического ханты-мансийского (!?) языка.

[17] См.: В. Д. Лебедев, В. Д. Спановская, К. А. Савваитова, Л. И. Соколов, Е. А. Цепкин. Рыбы СССР. М., 1969.

названий рыб на базе письменных памятников еще только предстоит начать. Особенно много названий рыб в сатирической повести о Ерше Ершовиче и разного рода хозяйственных книгах монастырей.

Замечу только, что для наименования *курва* мне известна фиксация под 1500 годом в «Переписной окладной книге по Новугороду Вотьской пятины» («Временник ОИДР», 1851, кн. 11, стр. 287) и под 1563 годом в «Писцовой книге Обонежской пятины 1496—1563 гг.» («Материалы по истории народов СССР», вып. 1, Л., 1930, стр. 75), а Ледер ограничивается 1607 годом. Правда, Ледер ссылается на «Окладную книгу вотской пятины» по материалам Я. Калимы без указания года.

Книга И. Ледер «Русские названия рыб» весьма полезна как первое большое и обстоятельное исследование в этой области, и некоторые ее недостатки могут быть объяснены тем, что у автора не было предшественников, хотя погрешностей могло бы быть меньше даже при этом условии. В книге Ледер частично изучены названия пресноводных рыб севера и северо-запада Европейской части СССР. Ждут такого же подробного изучения также названия рыб более южных областей Европейской части, рыб Сибири и Дальнего Востока, а также наименования морских рыб. Дальнейшее изучение русских названий рыб не сможет обойтись без книги Ледер, хотя многие детали ее изложения, а также лакуны в материале, безусловно, вызовут дальнейшие критические и полемические комментарии.

И. Г. Добродомов

H. D. Meritt. Some of the hardest glosses in Old English

Stanford University press. Stanford (California), 1969, 130 стр.

Лексикология и лексикография древнеанглийского языка за последнее столетие сделали огромные успехи, имеющие принципиальное значение не только для изучения истории английского языка, но и для германского и сравнительно-исторического языкознания. Составлен фундаментальный англосаксонский словарь Босворта—Толлера, Общество по изданию раннеанглийских текстов опубликовало большинство древнеанглийских языковых памятников, снабженных критическим аппаратом, принадлежащим перу ведущих германистов-англистов нашего века; в последнее время стали издаваться древнеанглийские глоссы, ранее рассеянные по отдельным малодоступным периодическим изданиям или вовсе не публиковавшиеся. Такой расцвет лексикологической науки в немалой степени, несомненно, связан и с тем обстоятельством, что древнеанглийский язык, в отличие, например, от готского, представлен довольно значительным числом памятников, сравнительно ранних по времени своего возникновения и разнообразных по жанровым и стилистическим характеристикам. И все же вполне естественно, что наши знания англосаксонской лексики, как и лексики любого древнего языка, весьма далеки от полноты и совершенства, ибо мы располагаем лишь строго ограниченным инвентарем лексем (нередко искаженных в процессе переписки рукописей), отражающим, как правило, только письменные нормы языка и малопоказательным для изучения особенностей живого разговорного языка [1]. При этом нельзя забывать, что часть рукописного наследства древней Британии была безвозвратно утрачена и не дошла до нашего вре-

[1] Ср.: B. von Lindheim. Traces of colloquial speech in Old English. — «Anglia», 54, 1965.